

УДК 111

© *Е. В. Савелова, 2008*

УРОВНИ И ФОРМЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Савелова Е. В. – канд. культурологии, доц. кафедры «Теория и история культуры» ст. науч. сотрудник (ДВГГУ)

В неклассической философской интерпретации бытие само по себе не имеет внутренней структуры, смысла и формы. Только человек способен дать возможность бытию осуществиться. Бытие человека последовательно развертывается на экзистенциальном, культурном и социальном уровнях и состоит из бесконечного ряда форм, которые в процессе своего развития видоизменяются от первичных, «чистых» до усложненных, превращенных форм.

In the non-classical philosophical interpretation the existence itself doesn't have an internal structure, sense and forms. Only a man can give existence an opportunity to come true. Man's existence extends step by step on existential, cultural and social levels and consists of endless series of forms which while developing, modify from primary, «clean» forms to complicated transformed forms.

Ключевые слова: неклассическая философия, экзистенциальная аналитика, бытие человека, уровни бытия, формы бытия, превращенная форма.

Проблема уровней и форм бытия человека рассматривается нами в контексте неклассической философской рефлексии, связанной, прежде всего, с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера. Согласно его концепции, бытие, взятое само по себе, находится в совершенной фундаментальной скрытости, потаенности, не имеет внутренней структуры и смысла. И форму, и смысл, и структуру бытию может придать только человек. Вслед за А. Бергсоном и Э. Гуссерлем М. Хайдеггер определил принципиально новую парадигму человеческого бытия как присутствия, *Dasein*, обусловленного экзистенциалом заботы. Экзистенциальная аналитика представляет собой интерпретацию основных структур, которые составляют бытие человека, в их движении от внутреннего опыта к внешнему.

В отличие от установок классической философии, человек в экзистенциальной аналитике мыслится как особый род сущего, главный модус бытия которого есть «спрашивание» о бытии, и этот модус «сущностно определен тем, о чем в нем спрошено – бытием» [1, с. 7.]. Однако и сам человек пока еще не имеет никакой жесткой определенной структуры и формы. Человек есть в своей сущности «присутствие», «явление» бытия как феноменального поля, внутри которого заданы основополагающие экзистенциальные смыслы и структуры, допускающие развертывание и как «действительность», и как «возможность», как «дело» самого бытия. Отсутствие у человека сущностной определенности и структуры означает, что человек (и бытие через его посредство) открыт для глубоких возможностей. Человек способен вступать в отношение к собственному существованию, может «оказаться в просвете бытия», так или иначе его определять, быть активной стороной в конструировании своей реальности, своего бытия.

Иными словами, человеческое бытие – это «бытие-в-возможности», оно никогда не завершено, в этом находит свое выражение незавершенность экзистенции, ее открытость и проективность. Человек же всецело устремлен в будущее, открывается в горизонте своих бесконечных возможностей, определяя изначально и мир, и самого себя, сообщая хаосу бытия, а тем самым и самому себе, смысл и порядок. «Выдвинутый в Ничто» [2, с. 22], человек, таким образом, оказывается в абсолютном состоянии становления, в процессе саморазвития и самотворения себя. Ему дана уникальная неповторимость и возможность стать в отношении к миру и к самому себе, реализовать себя как свой собственный проект в бытии, и посредством себя тем самым дать осуществиться бытию. В этой попытке стать человеком – главная цель человеческого бытия, его истинное назначение. Как отметил М. Шелер, «целое мира содержится в человеке как в одной из частей мира целиком» [3, с. 21]. Эта сущностная идентичность выступает как укорененность человека в бытии, как онтологическое качество человека, с одной стороны, и как онтологическая открытость сущностной структуры мира, открытость и принципиальная незавершенность бытия, с другой стороны.

Безусловно, в том исходном феноменальном поле, которое открывается в человеческом бытии, понятом в качестве «самоявленности» бытия, можно обнаружить основополагающие «ступени», срезы, слои. Их количество и формы могут значительно варьироваться в зависимости от той или иной философской стратегии. Так, например, Г. С. Померанц рассматривает развертывание бытия последовательно через три уровня, «три ступени лестницы бытия», хотя, по его выражению, «число и форма ступенек зыблемы до бесконечности» [4, с. 20–23].

Различные варианты разделения бытия на обособленные формы или отдельные конфигурации встречаются и в античной философии (учение о «слоях души» Платона и Аристотеля), и в средневековой философии (учения Плотина о пяти ступенях бытия и Скота Эриугены о четырех классах бытия), и в философии Нового времени (учение Декарта о двух субстанциях, понимание «ступенчатости» мира в философии Ф. Шеллинга и Г. Гегеля). Основное внимание в этих учениях уделялось исследованию сфер бытия как данности, вне-положенности по отношению к человеку; каждый уровень мыслился как «готовый», статичный, константный.

В XX в. проблема иерархии уровней и порядков бытия поднималась в философской и культурной антропологии (Г. Плеснер, А. Гелен, Э. Ротхакер, Э. Кассирер), неотомизме (Э. Жильсон), философии жизни (В. Дильтей, Э. Шпрангер), англо-американском неореализме (К. Морган, А. Уайтхед), немецком критическом реализме (Э. Бехер, Н. Гартман). Общей тенденцией этих направлений является определение самостоятельности и подвижности уровней бытия, их пластичности, возможного «наслоения» друг на друга и видоизменения.

Так, например, согласно философской концепции Н. Гартмана, само бытие нельзя ни определить, ни объяснить, но «можно отличить виды бытия и анализировать их модусы. Тем самым их можно осветить изнутри» [5, с. 322]. Бытие, по Н. Гартману, имеет четырехслойную структуру: неорганический, органический, душевный и духовный слои, внутри разделенные на «ступени». Слои имеют четкие границы различия, в то время как между ступенями границы размыты и возникают многообразные «скользящие переходы» (например, многообразие родов, видов, семейств и классов в органической природе и их «переходные формы»). Каждый слой обладает, с одной стороны, проникающей зависимостью высшего слоя от низшего, а с другой – неограниченным диапазоном формообразования и своеобразия.

Методологически важным для нас является разработанное С. Е. Ячиным определение трех пороговых форм человеческого бытия, в соответствии с которым бытие последовательно актуализируется на экзистенциальном, культурном и социальном уровнях. Именно в такой логике человеческое бытие сначала проявляется как «переживание Жизни», затем как «символическое Выражение переживания жизни», и, наконец, как «Производство (или воспроизводство) выражений переживаний жизни» [6, с. 10–11].

На экзистенциальном уровне бытие выступает в своей чистой сущности, еще не преображенной и не модифицированной взаимодействием с иными слоями и срезами реальности. Именно на этом уровне можно выявить, «высветить» фундаментальные проявления бытия, «основофеномены» («экзистенциальное априори», в терминологии

Л. Бинсвангера), предъявленные в чистой интуиции своей собственной наличности, собственного бытия. Через экзистенциалы, к которым М. Хайдеггер относит «расположенность», «бытие-в», «бытие-к-смерти», «понимание», «речь», «совесть» и другое, человеческое бытие становится доступным в качестве «открытости».

После того как эта стихия бытия опознана в своей чистой сущности, она может быть найдена на любом уровне бытия, как его фон, подоснова или «след», отражающийся в самых разнообразных феноменах, возникших путем усложнения и формообразования.

На культурном уровне горизонт бытия постоянно расширяется. Культура представляет собой тот синергетический локус, благодаря которому бытие извлекается из небытия, обретает конкретность и «внешность». В интересующем пространстве культуры происходит рождение смысла как одновременно и в себе, и вне себя существующего переживания бытия, затем смыслы облекаются в форму знака или текста, получая, тем самым, возможность семиотического воплощения, ориентированного на коммуникацию с Другим (Другими). Бытие для любой культуры и человека в каждое конкретное время предстает по-своему, поскольку каждая личность и каждая культура по-своему организуют, формируют, творят бытие в его конкретности, по-своему осмысливают, постигают и переживают его.

В движении от внутреннего опыта переживания бытия к внешнему разворачиванию в пространстве культуры происходит ветвление смысла, его усложнение и многократное умножение (эффект, который Ж. Бодрийяр назвал «эпидемией значений»), в результате чего возникает многомерная символическая реальность, в которой подлинное переживание бытия рассеивается, теряется во множестве объективаций.

Задача человека, таким образом, заключается в том, чтобы прислушаться к «зову бытия», постичь и воспринять его творческий дух, стать «пастырем бытия». Путь к подлинности лежит, по М. Хайдеггеру, через моменты творчества, позволяющего избежать деградации в будничном и повседневном мире.

На социальном уровне происходит еще большее обезличивание бытия, возникает опасность искажения бытия, потери им подлинности. Социальная среда прежде всего ориентирована на воспроизводство и тиражирование культурных и социальных образцов, формирование устойчивых норм и правил социального взаимодействия, поддержку социальных институтов как условия организации совместного бытия. Ж. Бодрийяр определяет этот уровень как «терроризм социального», как «переплетение сфер, связей, центров и структур, сеть контроля и блокировки – все то, что окружает нас со всех сторон и благодаря чему мы, все мы, оказываемся молчаливым большинством» [7, с. 59].

Иными словами, любой феномен человеческого бытия имеет в своей основе экзистенциальное переживание, которое находит свое воплощение в знаково-символической форме, погружаясь в интересное смысловое пространство, а затем обретает отчужденное существование в институциональном пространстве совместного бытия. Каждый момент перехода от одной пороговой формы к другой сопровождается усложнением и преобразованием исходного универсального проявления «стихии бытия», его неизбежной деформацией и искажением.

В истории европейской философии известно множество попыток реструктурировать «бытие» формы, дойти до определения исходного начала, первичных форм бытия и логически единых принципов формообразования, на основе которых осуществляется его изменение и преобразование во все более и более сложные структуры и феномены. Эта онтологическая проблема ставилась и разрешалась тем или иным способом в античной философии, в споре эмпиризма и рационализма, в логико-философских построениях Б. Больцано, в теории познания Э. Мейерсона, в размышлениях о первоисточках мышления Г. В. Гегеля, в философии культуры (Э. Кассирер), в аналитической философии (Б. Рассел, Р. Карнап, У. Куайн), в социологии науки (Т. Кун). И. Кант и Э. Гуссерль выносили «за скобки» все предметное содержание сознания, стремясь обнаружить в «остатке» чистые формы. Проблему «чистой формы» как сути бытия развивал русский философ В. Н. Ильин. Пристальное внимание на проблему формы было обращено в структурализме (К. Леви-Строс, Р. Барт).

Согласно неклассической традиции, бытие не является субстанцией, его цельность и полнота не присутствуют в мире как данность, лишь как смутная интуиция и возможность. Процесс развертывания бытия есть по сути процесс о-формления «стихии бытия», придания ей структуры и смысла, ее формообразования, в котором форма одновременно и формирует, и формируется. Как образно выразился А. Бергсон, бытие само создает себе форму, а не вливается в готовую форму как в форму литейщика, приобретая ее очертания [8, с. 35]. Непрерывность и изменчивость человеческого бытия порождает столь же подвижные формы, устойчивость которых подобна устойчивости мгновенного снимка, фиксирующего момент перехода из одного качественного состояния в другое.

Иными словами, человеческое бытие представляет собой сложное, многослойное образование, состоящее из бесконечного ряда форм, каждая из которых развивается в соответствии с собственной логикой и внутренним смыслом. Придавая определенность бытию, расслаивая его на различные смысловые поля, многообразные формы силой своей активности создают и удерживают органичное для себя содержание,

задают параметры его выражения и динамики. Непрерывное изменение форм человеческого бытия есть условие его становления, открытости как бытия-в-возможности.

Важную роль в процессе формогенеза играют усложненные конфигурации форм, отрефлексируемые в неклассической традиции как превращенные формы. Идея превращенной формы в разных вариантах нашла свое прямое или опосредованное выражение в теории прибавочной стоимости К. Маркса, в проблематике отчужденного труда представителей неомарксизма франкфуртской школы, в концепции развития симулякра Ж. Бодрийара, в теории конфликта реального и символического Ж. Лакана, в размышлениях о внутренних свойствах сложных систем М. К. Мамардашвили и др.

Так, согласно М. К. Мамардашвили, превращенная форма есть «продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактических характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями» [9, с. 270, 281]. Превращенные формы представляют собой качественно новое явление, особый функциональный орган, «квазипредмет», выполняющий или замещающий пропущенное звено, по какой-либо причине выключенное из функционирования системы. Возникающее «мнимое образование» замещает утраченные звенья новым отношением, тем самым регулируя систему и обеспечивая ей жизнь.

Подобный, хотя и не тождественный процесс предлагает Ж. Бодрийар в своем описании ряда последовательных стадий развития симулякра: отражение базовой реальности, маскировка и искажение базовой реальности, маскировка и отсутствие базовой реальности, возникновение «чистого симулякра», не имеющего никакого отношения к какой-либо реальности [10, с. 111–154].

В процессе диалектического развития и движения на всех трех уровнях человеческого бытия (экзистенциальном, культурном, социальном) каждая из многочисленных форм проходит ряд этапов: от органичного соответствия содержанию через внутреннее рассогласование и противоречие с ним до полного отчуждения и превращения и формы, и содержания. На каждом этапе новое изменение и преобразование формы не означает отторжения и полной замены старой: каждая последующая стадия наслаивается на предыдущую и продолжает жить в своей собственной логике, испытывая при этом вторжения, деформации, превращения от наслоенной формы.

Иными словами, в превращенных формах возникает своеобразная инверсия отношений формы и содержания, которая выражается в приобретении формой независимости, самостоятельности, в результате чего она становится выражением иного содержания, нежели то, которое является ее основанием, ее первичным содержанием. Приобрете-

ние формой самостоятельности может варьироваться в пределах от относительно незначительной подвижности и высвобождения отдельных фрагментов формы до полного противопоставления формы содержанию и ее «отрыва».

Этот процесс является следствием взаимодействия элементов и подсистем сложной, многомерной формы, необходимостью сохранять целостность, внутреннюю организованность ценой утраты ряда опосредствующих звеньев в общей цепи формирования целостности. Как было отмечено К. Л. Морганом, чем сложнее и многомерней объект, тем вероятнее возникновение в нем новых уровней и режима эмерджентности.

Создание целостной теоретической картины происхождения, функционирования и развития любой сложной формы невозможно без учета ее изменений и превращений, даже если превращенные формы функционируют самостоятельно и ортогонально исходной форме. В любом случае в превращенной форме можно найти следы ее предшествующих «жизней».

Превращенная форма – это всегда приращение новым смыслом, выявление «внутренней формы видимости», некоего скрытого потенциала, неявного в предыдущем моменте истории формы. По сути, превращенная форма создает специфическую онтологическую реальность, характер которой незаметен для человека, ее создающего и находящегося в ней. Так, например, психоневроз вызывает состояния, которые переживаются больным как само собой разумеющиеся, вполне логичные и последовательные. Опасение риска превращенной формы стать «дурной», искажающей подлинную «стихию бытия, возникает от парадоксов в интерпретации наблюдений за состоянием изнутри и извне формы, объекта, системы.

Обращаясь к оценке методологической значимости превращенной формы, отметим, что она выполняет функцию особого оператора в неклассическом концептуальном аппарате гуманитарных наук: включение ее в анализ сложных, многомерных объектов позволяет избежать несовместимости видения объекта «изнутри» и «извне». Благодаря этой функции, возникает возможность выстроить более полную, объемную содержательную картину исследуемого объекта или системы, учесть и объединить его разные грани, зачастую квазисуществующие и невоспроизводимые (например, сновидения, галлюцинации, фантазии при психологической оценке личности), но также несущие в себе определенный след переживания бытия. Кроме того, методологическая эвристика превращенной формы заключается и в ее возможном применении при анализе взаимодействия и интерференции разнообразных форм, их наслоения и рекомбинации в процессе формогенеза (в част-

ности, такой анализ нами осуществляется на примере мифа и образования).

Таким образом, актуализируясь на разных уровнях, человеческое бытие «непринужденно шагает по направлению к миру» [11, с. 187], входит в онтологическую структуру как центральный элемент, как то «место», где бытие «размыкает» себя, делается «зримым», «проявленным». В процессе своего развития многочисленные формы бытия видоизменяются от первичных, «чистых» форм до усложненных, деформированных, превращенных форм, образованных в результате внутреннего противоречия с собственным содержанием, а также путем наслаивания и пересечения с другими формами. Соответственно меняется и роль самого человека: от пассивного элемента в общем процессе движения и развития до центрального, активного участника творческого становления и преобразования бытия.

Библиографические ссылки

1. *Хайдеггер М.* Бытие и время: Пер. В. В. Бибихина. М., 1997.
2. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // *Время и бытие: Статьи и выступления.* М., 1993.
3. *Шелер М.* Философское мировоззрение // *Избранные произведения.* М., 1994.
4. *Померанц Г. С.* Три уровня бытия // *Кэмпо.* 1994. № 6.
5. *Гартман Н.* Старая и новая онтология // *Историко-философский ежегодник–88.* М., 1988.
6. *Ячин С. Е.* Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена. Владивосток, 2001.
7. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
8. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1998.
9. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1992.
10. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
11. *Бинсвангер Л.* Аналитика существования Хайдеггера и ее значение для психиатрии // *Бытие-в-мире: Избран. ст.* М., 1999.